

УДК 32.019.5
ББК 60.5

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: ПРОЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

М.М. Мчедлова

Историческая память, конструирующая идентичность общности, выступает как коллективная ценность. Консолидация вокруг знаковых символических событий прошлого не только позволяет обеспечивать коллективные политические и социальные практики в настоящем, но и формирует образ желаемого будущего, определяя проектную идентичность.

Ключевые слова: историческая память, солидарность, идентичность, политические ценности, гражданское общество, политическая культура.

Процесс самоидентификации любого политического пространства, будь то нация-государство либо наднациональное объединение, как правило, имеет временное и пространственное измерения: любое политическое «мы» нуждается в общей истории и в той или иной совокупности представлений о внешнем мире. Обязательным является и идентичностное измерение, потому что в основе объединения людей вокруг политических целей всегда лежит представление об общем благе, соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего с определенной системой ценностей, которые и служат основой политического единства. «Совокупность представлений человека о своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые утверждаются на основании соотнесения себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями в публичной сфере, с социальными институтами и отношениями, формирует социальную идентичность» [8, с. 40]. В ее основе лежит консолидация общности и составляющих ее индивидов вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих поколений обеспечивала устойчивость и выживаемость, «без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или

большинством чувств, интересов [они] не могут составить прочного общества» [4, с. 41].

Ценностное наполнение социальной и человеческой жизни, нормативные проекции политических и идеологических оснований находятся и в фокусе рассматриваемой темы, и в центре современных идеологических баталий. Идеологии не могут существовать без конструирования социального идеала, роль которого – едва ли не ведущая в солидаризации общества. Неоднозначность в российском идеологическом пространстве социального идеала, пусть даже в его утопическом варианте, отсутствие проектной идентичности, пересекающиеся с ориентированными на извлечение прибыли и сохранение элитами и властью существующего статус-кво, делают «зеркало будущего» абсолютно непрозрачным: человек в нем не отражается ни как индивид, ни как социальная общность. В результате гуманизм, не являясь составляющей идеологических построений современной России, одновременно обнаруживается как насущная потребность и императив поддержания социальности в российском обществе. Ценностная проекция на фоне понижения роли гражданско-политических форм солидарностей приводит к акцентации солидаристского потенциала религии: «общество, сплоченное идеалом солидарности, способно стать альтернативой хаосу и распаду» [2]. В эпоху глобализации и кризиса государственных институтов церковь как структура, состоящая из отдельных яче-

ек с сильным гражданским активом, которая способна ставить проблемы и участвовать в их решении, формулировать стратегии, исходя из осознанных и долговременных интересов, оказывается наиболее действенной и востребованной [5, с. 87]. В таких условиях эффективнее оказываются религиозные институты и традиции «с присущей им способностью убедительно артикулировать моральные импульсы и солидаристские интуиции» [9]. Это особенно актуально в контексте проблемы доверия государственным и общественным институтам как важнейшего фактора, способствующего как структуризации социально-политической жизни, ее стабильности, так и эффективности взаимодействия общества и власти. Чем выше уровень доверия к институтам, тем выше вероятность, что в необходимых случаях к ним будут апеллировать для улучшения ситуации, не стремясь их разрушить. Одновременно следует поставить вопрос об универсальности институтов, акцентируя внимание на невозможности институциональной самодостаточности, поскольку для их эффективности нужны не только формальные признаки, но и учет социокультурного и социополитического контекста.

Проблема социальной аномии, поставленная Эмилем Дюркгеймом, имеет более широкий контекст – она возникает, когда распадается общественная солидарность, когда перестраивается иерархия или вообще отторгается система нравственной регуляции общества, когда перейти «по ту сторону добра и зла» является нормой жизни, а слово «гуманизм» забывается вообще. Гуманистическая составляющая с необходимостью должна присутствовать в целях, артикулируемых политической властью. Конечно же, кантовский категорический императив, согласно которому человек никогда не может выступать как средство, но только как цель, или советский лозунг «Все для блага человека, все во имя человека» относятся к сфере должного, однако их отражение должно находить воплощение в реальных программах и социально-политических практиках. В современных политических стратегиях цели не несут хоть какого-то гуманистического оттенка, формулируясь либо в сугубо экономических, либо в политических категориях. Не случайно педали-

руемая сегодня идея модернизации не до конца прояснена с точки зрения целей. Что является целью политической модернизации в России: демократия? Эффективность? Безопасность? Общее благо? Социальная справедливость? Демократия не может выступать целью сама по себе, поскольку скорее является средством достижения более высоких целей. Эффективность, будучи термином механистическим, также исключает человека как такового и не очень улавливается как ориентир. Безопасность выходит на первый план в современном контексте повышенных рисков, перестраивая устоявшуюся иерархию ценностей, оттесняя индивидуальные свободы. Общее благо, будучи наиболее абстрактной категорией, вокруг которой центрируется вся философско-политическая мысль, не поддается определению в инструментальных и понятных массовому сознанию понятиях. Более того, в условиях предельно низких значений социальной справедливости в России и нелегитимности большинства социально-политических институтов, отсутствия доверия к ним со стороны населения ставит под сомнение саму возможность гуманистического осмысления общего блага, являющегося предельной целью деятельности государства. В России кризис межличностного доверия налицо: 80 % граждан предпочитают быть излишне осторожными и совсем малый процент говорит о доверии большинству людей: 3 % православных, 5,2 % мусульман считают, что вера в Бога не добавляет россиянам веры в честность людей. Это свидетельствует о большой атомизации российского общества, когда даже религиозные скрепы не способны преодолеть распад социальных связей.

Россияне не связывают успешную реализацию «модернизационного проекта» ни с идеей демократии, ни с дальнейшим развитием демократических институтов. Россияне, не имея ничего против демократии, базовых прав и свобод, скептически оценивают их инструментальный потенциал, возможность практического использования демократических принципов и институтов в обновлении страны, в обеспечении динамичного социально-экономического развития [3].

Ощущаемое каждым на уровне индивиду и всеми на уровне общества основное он-

тологическое противоречие современности между моралью, правом, свободой и справедливостью требует формулирования способа его разрешения. В условиях отсутствия поддержки россиянам со стороны практически всех социально-политических институтов, коррумпированности системы, предельно низкого уровня межличностного доверия, отказа государства выполнять социальные функции возникает мощный запрос на социальную справедливость: не случайно главная мечта россиян – мечта о справедливости. Интересна проекция с исторической памятью: в ходе социологического исследования, проводимого ИС РАН, на вопрос о том, с какими деятелями русской истории ассоциируются народные чаяния [6], мечты народа, ответы распределились следующим образом: на первом месте – Петр Первый, на втором месте из огромного списка были выбраны святые подвижники – люди, которые служили истине, справедливости, Богу и людям. Причем выбраны они были не только верующей частью населения, но и неверующей. Это подтверждает, что обществу и конкретным индивидам для преодоления состояния ценностной анонимии, для сохранения своей самости необходима помощь и опора, при всей очевидности, что современное российское общество далеко от состояния общественной солидарности. Резкая смена прежних общественных структур и неравномерное, разрозненное формирование новых ведет к атомизации и фрагментации современного российского социума. Сосредоточившись на решении собственных материальных проблем, граждане дистанцируются от общественной деятельности. У большинства граждан нет устойчивой системы политических взглядов и позиций. Их политические решения определяются, как правило, конъюнктурными соображениями. Практически половина россиян связывает личное доверие с формулой «все равно – никто никому ничем не обязан» [10]. Вследствие этого возникает проблема необходимости объяснения, как происходит социальная интеграция российских граждан, какими способами она поддерживается в условиях крайне низкого уровня межличностного доверия.

В условиях элиминации скрепляющих надэтнических принципов общероссийской

национальной идентичности – династической («сонм народов, скрепленных династией»), имперской, идейно-политической, советской – произошла актуализация аскриптивных форм идентичности как основывающихся на более архаичных, а потому более устойчивых основаниях. Проблема национальной консолидации стала камнем преткновения российской политической модернизации. Идентичностное измерение политического образования в проекции исторической памяти представляется ключевым, потому что в основе объединения людей вокруг политических целей всегда лежит представление об общем благе, соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего с определенной системой ценностей, которые и служат основой политического единства: «народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических...» [4, с. 42]. Во многом консолидация вокруг знаковых символических событий прошлого позволяет не только обеспечивать коллективные политические и социальные практики в настоящем, но и формирует образ желаемого будущего, определяя проектную идентичность. В данном ракурсе она выполняет солидаризирующие функции, позволяя социокультурной общности определять себя в том числе и в политическом пространстве, детерминируя вектор идентичности.

Современная проблема изменения исторической памяти и формирования новых смыслов ее наполнения тем более актуальна, что по большому счету единственным консолидирующим фактором социальных слоев и поколений в России является Великая Отечественная война (хотя даже ее название все чаще звучит как Вторая мировая). Не случайно, фиксируя вехи российской истории и их символическое значение, Святейший Патриарх Кирилл отметил, что «в этом (2012. – М. М.) году Россия отмечает три знаменательных юбилея. Это, во-первых, 400 лет изгнания интервентов и окончания Смуты – события, к которому отныне приурочено празднование Дня народного единства. Во-вторых, ровно два столетия назад было разгромлено нашествие двенадцати языков во главе с Наполеоном Бонапартом. И наконец, в грядущем ноябре исполняется 70 лет наступления под Сталинградом, которое стало поворот-

ным событием в Великой Отечественной войне и в целом во Второй мировой войне... У стен Московского Кремля, под Бородино и Сталинградом мы защищали не только независимость России – мы утверждали духовные ценности, которые имеют вселенское, поистине общечеловеческое значение» [2]. Однако налицо реальные попытки изменения исторической памяти. Пере толкование символических событий, приписывание им новых смыслов является одной из форм технологии властвования, поскольку кто управляет прошлым, тот управляет настоящим и будущим. К подобным действиям можно отнести и внедрение в символическое историческое пространство нового названия войны и даже практические шаги по элиминации символов. К этому ряду следует отнести предложение мэрии Волгограда по замене символа города Родины-матери с объявлением конкурса на лучший вариант нового бренда Волгограда. Мотивировка отказа от позиционирования Волгограда как грозного символа победы над фашизмом у чиновников основана на задаче развития туризма и на устранении неприятных ассоциаций, которые вызывает у иностранных туристов тема военного Сталинграда. Этот символ и все, что связано с Великой Отечественной войной, уже не слишком актуальны для региона: «Родина-мать – это все-таки наследие советских времен. К сожалению, у многих она ассоциируется с чем-то тяжелым, трагическим и траурным. Тем более у иностранцев. А нам бы хотелось, чтобы наш регион воспринимался как приятная территория для отдыха» [3].

Хор из оперы Дж. Верди «Набукко» «Лети, мысль, на крыльях золотых» заменяет итальянцам национальный гимн: объявленное сокращение расходов на культуру в условиях жесткой экономии привело к тому, что 12 марта 2011 г. живой классик Р. Мути прервал оперу для того, чтобы зал спел этот гимн вместе с хором, объяснив, что Италия может потерять свою национальную идентичность – классическую оперу, она превратится «в красивую и потерянную родину» из оперы. На следующее утро министр экономики после встречи с дирижером и мэром столицы пообещал пересмотреть запланированные сокращения [7, с. 41–42]. Осознание единства культурного поля в такой многонациональной

и многоконфессиональной стране, как Россия, выявление общих ценностных регуляторов, грамотная политика исторической памяти могут служить исходным пунктом межнационального согласия, поскольку есть пережитые символы общей судьбы. В их числе – Сталинградская битва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В мэрии считают образ Родины-матери непривлекательным для туристов // Волгоград-Times : городской портал. – Электрон. дан. – 29.11.2012. – Режим доступа: <http://volgograd-times.ru/stories/2198>. – Загл. с экрана.
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVI Всемирного русского народного собора 1 окт. 2012 г. // Официальный сайт Московского патриархата. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2502163.html>. – Загл. с экрана.
3. Готово ли российское общество к модернизации : аналит. докл. ИС РАН / подгот. в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Рос. Федерации // Официальный сайт ИС РАН. – Электрон. текстовые дан. – 2010. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html. – Загл. с экрана.
4. Ключевский, В. О. Соч. В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1 / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – 198 с.
5. Кувалдин, С. Первый Рим / С. Кувалдин // Эксперт. – 2010–2011. – №1 (735). – С. 86–92.
6. О чем мечтают россияне (размышления социологов) : аналит. докл. ИС РАН / подгот. в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Рос. Федерации // Официальный сайт ИС РАН. – Электрон. текстовые дан. – 2012. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_o_chem_mechtayut_rossiyane.html. – Загл. с экрана.
7. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения XXI века / [отв. ред. И. С. Семенов]. – М. : РОССПЭН, 2012. – 421 с.
8. Семенов, И. С. Идентичность в системе координат мирового развития / И. С. Семенов, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // ПОЛИС : Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 38–43.
9. Хабермас, Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое / Ю. Хабермас. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Protivvoinstvuyuschego-ateizma#1>. – Загл. с экрана.

10. Хлопин, А. Новые сети доверия: стиль мышления и выбор стратегий коллективного действия / А. Хлопин // Социальные сети доверия, массовые движения и институты политического представительства в современной России: опыт «ста-

рых» и «новых» демократий в условиях глобализации : науч. докл. / А. Хлопин // Официальный сайт ИС РАН. – Электрон. текстовые дан. – 2007. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doclad/Networks_2007.pdf. – Загл. с экрана.

SOCIAL SOLIDARITY: THE PROJECTION OF HISTORICAL MEMORY

M.M. Mchedlova

Historical memory which is constitutive for social identity becomes the collective value. Consolidation around the significant symbolical events of the past allows not only to support collective political and social practices of today but also to form the image of desired future thus defining designed identity.

Key words: historical memory, solidarity, identity, political values, civil society, political culture.